

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КОСТРОМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н.А. НЕКРАСОВА

В Е С Т Н И К
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИМ Н.А. НЕКРАСОВА

СЕРИЯ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:
ЭНТЕЛЕХИЯ

Выходит с 2000 г.

Том 17

ЯНВАРЬ –
ИЮНЬ

23

2011

Включен в перечень периодических научных и научно-технических изданий,
выпускаемых в РФ, в которых рекомендуется публикация основных результатов
диссертаций на соискание ученой степени доктора наук

КОСТРОМА

ЭНТЕЛЕХИЯ

Научно-публицистический журнал

Главный редактор **И. А. ЕДОШИНА**

Общественный совет номера:

Н.М. Расседин (профессор, ректор Костромского государственного университета им.Н.А. Некрасова), **А.Г. Кирпичник** (профессор, проректор по науке Костромского государственного университета им.Н.А. Некрасова), **А.Н. Николюкин** (доктор филологических наук, ИНИОН РАН), **В.А. Фатеев** (кандидат филологических наук, переводчик; Санкт-Петербург), **А.Л. Налепин** (доктор филологических наук, вице-президент Российского фонда культуры), **П.В. Палиевский** (доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН), **игумен Андроник** (А.С. Трубачев, кандидат богословия, доцент Московской духовной академии), **С.М. Половинкин** (кандидат философских наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета)

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

Российский фонд культуры (Москва),
Редакция альманаха «Российский архив» (Москва),
Музей священника П.А. Флоренского (Москва)

НАСЛЕДИЕ РОЗАНОВА И МЕТАФИЗИКА «ПУТИ»

УДК 379.8.091.2/930.85

Л.И. Сизинцева

Костромской государственной технологической университет
sizpost@yandex.ru

В.В. РОЗАНОВ КАК ТУРИСТ НА «РУССКОМ НИЛЕ»

Аннотация. В статье рассматривается один из эпизодов складывания феномена туризма в России на примере дорожных размышлений В.В. Розанова. Несмотря на подчеркнутое несходство с классическим жанром путевых заметок, его тексты позволяют выделить основные черты, отличающие туриста от экскурсанта: установка на отдых, на получение впечатлений, возможность размышлять, а не потреблять готовую информацию.

Ключевые слова: экскурсионистика, туризм, отдых; В.В. Розанов, Волга, путевые заметки.

*Я принадлежу к той породе
«излагателя вечно себя»...
В.В. Розанов*

Летом 1907 года пароходные кампании все повышали и повышали цены. Газетчики публиковали сетования, что «приходится “записываться” на каютные места, как на шалыпинские спектакли» и объясняли: «вызван такой громадный наплыв туристов особенностями нынешнего лета – в средней полосе России <...> стоят нестерпимые жары» [5, 3].

Туристами называли в этом случае горожан, которые, имея «возможность расхотаться на поездку по Волге, спешат на великую реку, – чтобы подышать воздухом волжского простора» [5, 3]. Увы, их надежды не слишком оправдывались, – ни в каютах, ни на палубе невозможно было укрыться от жары. Снедь на пристанях росла в цене, выжженные поля обещали неурожай.

Желающие (читающие) могли, хоть и с опозданием, купить в газетных киосках номера московской газеты «Русское слово», в которых в июне, июле и августе появлялись путевые очерки за подписью «В. Варварин». Позже, укрывшийся за этим псевдонимом, В.В. Розанов, по словам В.Г. Сукача, «настаивал на цельности очерка» [2, 678], названного автором «Русский Нил» (несмотря на данные редакцией иные заголовки).

Очерки не напоминали путевые заметки, содержание которых обычно составляли описания окружающих пейзажей, да сведения о городах и селах, проплывавших за бортом, – ровно настолько, насколько сам В.В. Розанов не был по-

хож на банального отдыхающего, вырвавшегося из круговорота обыденных дел. Или похож...

Пожалуй, главное отличие писателя от остальных объяснялось его склонностью к размышлениям. По замечанию З. Гиппиус, «писание, или, по его слову, “выговариванье”, было у него просто функцией. Организм дышит, и делает это дело необыкновенно хорошо, точно и постоянно. Так Розанов писал, – “выговаривал” – все, что ощущал, и все, что в себе видел, а глядел он в себя постоянно, пристально» [1].

«Все» видели то же, что и он, но лишь В.В. Розанов мог поместить проплывающие мимо пейзажи в контекст мировой культуры, разглядеть в Волге «русский Нил», поразмыслить о жизненной силе нации, осознать отношение к реке, как «к чему-то вечному и бессмертному, как к вечно существу и живому, тельному условию своего бытия и своей работы» [2, 331], – и, раскрывая интимные моменты судьбы, – «и отлично, мол, и пусть, и ничего скрывать не желаю» [1] – увести всех в глубины собственных воспоминаний.

Его мыслеоощущения ложились на бумагу и становились достоянием читающей публики, а тиражи у сытинского «Русского слова» были всегда очень высокими. Что же так интересовало читателя начала XX века – и сегодня, через столетие, удерживает внимание? Один из ответов: исходя из той же обыденности, что и «все», В.В. Розанов касался общих, важных для «всех» вопросов,

и в то же время поднимал «каждого» до себя, создавая у читателя иллюзию, будто автор и в этот раз, как и «везде был немножко один, или с кем-нибудь “наедине”». И – как обычно – «открытость полная – всем, т. е. никому» [1].

В данном случае будет востребовано не столько оригинальное, неповторимое в авторе, сколько то, что объединяло В.В. Розанова с безызычным большинством, с изнемогавшими от жары на всех палубах волжских теплоходов «всеми», и было «выговорено» – «всем, т. е. никому».

Он сам, непоследовательно переплетая между собой, разворачивал перед читателем два архетипические заданных варианта пути: в пространстве, в данном случае – это обычный путь по Волге (регистр обыденного сознания), – и во времени. Прежде всего, в его собственных воспоминаниях, «где главным фактором выступает время – время взросления, воспитания чувств, закаливания характера, обретения жизненного опыта. Это странствия души человека по различным царствам чувств, памяти, характеров, способностей и талантов и т.п.» [3]. Этот регистр – то самое – «Иду! Иду! Иду! Иду!.. И где кончается мой путь – не знаю» [1], – личное время: «Детство мое все прошло на берегах Волги – детство и юность. Кострома, Симбирск и Нижний – это такие три эпохи “переживаний”, каких я не испытывал уже в последующей жизни» [2, 335]. И здесь важна не событийная канва, а внутреннее движение души, обусловленное топосом. Отсюда и потребность «почти в старости... пережить “опять на родине”» [2, 337], удовлетворить которую могло только возвращение к прежним местам.

Эти два основных регистра дополняются у Розанова третьим. Автор объяснял выбор волжского маршрута симпатией «просто к соку, силе и цвету бытия и жизни, на Ниле или на Волге», как возможному залогом возрождения России в будущем: «И вот мне захотелось взглянуть на эти тихие воды, может быть, будущие “воды”, в смысле далекой и новой судьбы, какая сложится на этих берегах для нашего племени» [2, 335]. Здесь не политические аналогии, не хронология событий, а – ощущение, интуиция грядущей судьбы, прошлого и будущего страны, народа, иногда – народов. Это – вселенский регистр. И, подобно виртуозу-органисту, переход между регистрами В.В. Розанов будет совершать непринужденно и естественно – как «выговаривалось».

Попробуем понаблюдать за сложным пере-

плетением этих линий в «Русском Ниле». Пространственная линия путешествия не стала организующей для очерков. Тем не менее, начнем с нее.

В.В. Розанов вместе с семьей должен был ехать на Кавказ, а друзья посоветовали ему проехать Волгой. Маршрут был таким: из Петербурга – до Москвы поездом, оттуда до Рыбинска, и только потом – от Рыбинска до Астрахани и дальше, через Каспий – в Кисловодск, где В.Д. Бутягина предполагала принимать грязевые ванны.

Отплыв из Рыбинска по Волге, они должны были на пароходе «Юрий Суздальский», принадлежавшем обществу «Самолет» [2, 352], последовательно проходить Романов-Борисоглебск, Ярославль, Кострому, Плес, Кинешму, Решму, Нижний Новгород. Затем пересаживались на другой пароход этой же кампании, «Гоголь» [2, 344], который следовал через Симбирск, Саратов, Царицын в Астрахань.

Между тем, первое упоминание – о Костроме, причем не городе, открывшимся взорам путешественников летом 1907 года. Автор передает детские впечатления: «И вот я помню эту Кострому, – первое самое длинное, тягучее, бесконечное впечатление. ... Дожди... Вообразите, что господствующим впечатлением, сохранившимся от Костромы, было у меня впечатление идущего дождя» [2, 335, 336]. И сразу, от обыденного, климатического – до «вселенского»: «“Дождь идет!” – Что такое делается в мире? – “Дождь идет”. – Для чего мир создан? – “Для того, чтобы дождь шел”. Целая маленькая космология, до того невольная в маленьком ребенке, который постоянно видит, что идут только дожди» [2, 337].

Это – пример обычного для Розанова перехода от регистра к регистру. Внешний повод – реальная Кострома 1907 года – вообще остается за скобками, об этом импульсе извне можно только догадываться. От него – в воспоминания о собственном детстве, но и здесь не найти воспроизведения внешней канвы: и сад, и «свой домик», на крыльцо которого он босиком выбежал ребенком, и площадь-пустырь, на которой стоял этот домик, – все ради одного: «Мгла небесная сама по себе входила такую мглою в душу, что хотелось плакать, нюнить, раздражаться, обманывать, делать зло или (по-детски) назло, не слушаться, не повиноваться» [2, 336].

Здесь не только ключ к «поперечному» характеру, но и выход во «вселенский регистр»: «Будет ли когда-нибудь лучше? – “Нет, будут идти дож-

ди”. – На что надеяться? – “Ни на что”. Пессимизм. Мог ли я не быть пессимистом, когда все мое детство, по условиям тогдашней нашей жизни зависевшее всецело от ясной или плохой погоды, прошло в городе такой исключительной небесной “текучести”. “Течет небо на землю, течет и все мочит. И не остановить его, и не будет этому конца”» [2, 337].

География и ассоциативный ряд вступают у Розанова в сложные, противоречивые отношения. После костромских впечатлений детства автор дает послужившему к следующему этапу своей жизни, прошедшему в Симбирске: «Но тут началось уже все другое. Другая погода, другая жизнь. Я сам весь и почти сразу сделался другим» [2, 337].

Однако рассказ о Симбирске (и вместе с тем возвращение в 1871 год), как и предписывает карта Волги, припасен почти что для конца – за ним, следует только Саратов, которым все, собственно, обрывается так же неожиданно, как и началось: ни Царицын, ни Астрахань не удостоились внимания.

Зато впечатления Романова-Борисоглебска и Ярославля с его Толгским монастырем, вопреки карте, можно обнаружить после Костромы, Нерехты, Плеса и нижегородского Макарьева, причем реальная Нерехта вообще не лежит на Волге (вероятно, зазвучали впечатления детства). Впрочем, в той же мере путешествие не предполагало посещения Москвы и Петербурга с Одессой, Рима с Лондоном и Кельна со Страсбургом. Между тем, их соборы привлечены для сравнения, для контраста, например: «Только еще в Москве есть такие прекрасные церкви, как в Романове-Борисоглебске и Нерехте, да не знаю, сравнятся ли и московские» [2, 348]. Причем сравнение это – в пользу маленьких и непритязательных, но искренних: «Нет, просто это “русская вера” создала себе каморочки, где она молится, где она теплится. И как это хорошо!» [2, 348 – 349]. Примерно также в Риме В.В. Розанов вспоминал о смиренной вере своей «родной Костромы» [2, 93].

Для Розанова вообще важно сопоставление: «На Волге даже и не вспоминаются, даже и на ум не идут Одесса или Владикавказ. Просто – не чувствуются, никак не чувствуются. А Рыбинск, например, чувствуется в Астрахани, и Астрахань чувствуется же в Рыбинске. Все это соединено, слито, а Рыбинск и Одесса “разлиты” по разным котлам. Самим Господом Богом разлиты» [2, 358].

Итак, регистр «личного времени», безуслов-

но, влияет на повествование, но скорее на контент, чем на композицию очерков. Реальная же топография путешествия, то проявляясь, соблюдая порядок, то, нарушая его, а порой исчезая вообще, служит лишь поводом, внешним импульсом для перехода автора в «личный» и «вселенский» регистры.

Однако путешествие – всегда реальный уход, а иногда и бегство от чего-то – к чему-то. В этом отношении В.В. Розанов, пытаясь объяснить свои ощущения, формулирует положения, очень важные для понимания туризма. И в первую очередь, это касается объяснения феномена усталости жителя мегаполиса «после того вечного стука и лязга железа о железо или о камень, от которого никуда нельзя скрыться в Петербурге и в Москве и который истощает и надрыгает всяческое терпение. У петербуржца в москвича половина душевной силы уходит на борьбу с этими пассивными впечатлениями, вам не нужными, которых вы не ищете, но которые лезут вам в душу, независимо от вашей воли» [2, 339].

А если к этому добавить многолюдье больших городов, усталость от «той “толпы без лица”, вечно новой и куда-то уходящей, которая в Петербурге и Москве проходит перед вашими глазами, как бесконечная лента шляпок и “котелков”» [2, 340]. «И я уверен, что так называемая неврастения, или душевное переутомление, столичного жителя происходит не столько от работы его, сколько вот от этих пассивных и ненужных впечатлений, зрительных и особенно слуховых, которые ни с какою работою не связаны, а раздражают даже больше работы именно оттого, что они невольны, неизбежны, что в отношении их чувствуешь себя каким-то зависимым рабом» [2, 339]. Сегодня мы назвали бы это суетой, но разве кто-то пытался осмыслить это после Розанова?

Даже плывя по Финскому заливу, «который, естественно, является дополнением Петербурга, “предисловием” или “послесловием” к книге его духа и его истории», даже путешествуя по железной дороге, «пока вы сидите в вагоне, все равно Николаевской или Рыбинско-Бологовской дороги, вы точно тащите за собою Петербург. Его впечатления, его психология, его тревожнения – все с вами и около вас, в разговорах, которые вы слышите, в ваших собственных думах. Даже когда живешь на даче очень далеко от Петербурга, уже по тому одному, что она связана непрерывно линией рельсов с Петербургом – этим железом и

этим стуком, этою почтою и этими газетами» [2, 338]. Сегодня этот перечень можно дополнить телефонами и интернетом, но мы по-прежнему стараемся от этого оторваться, уйти, убежать... Куда?

«Едва по длиннейшим сходням вы спускаетесь на один из громадных рядом стоящих парходов, вы точно окунаетесь в “волжский труд”, как что-то своеобразное, в себе замкнутое, как в особый новый мир, который сразу отшибает у вас память Петербурга, Москвы и даже вообще всего “не волжского”» [2, 338]. «Мерные удары колес по воде не утомляют вас, потому что это ново. Эти удары – мягкие, влажные. Ими почти наслаждаешься, как простым проявлением движения и жизни после того вечного стука и лязга железа о железо или о камень» [2, 338].

Ни писем, ни свежих газет. От непрерывной череды мелких событий человек уходит в «натуральный, естественный мир самой Волги, панорама которой все шире раскидывается с каждым часом и сутками, решительно кажется вам интереснее всяких возможных политических новостей. Чувствуется, что здесь живут века: века строили эти городки и села ... И всегда то это “было”, не началось и не росло, а только было и дышали. И все на Волге, и сама Волга точно не движется; не суетится, а только “дышит” ровным, хорошим, вековым дыханием. Вот это-то вековое ее дыхание, ровное, сильное, не нервное, и успокаивает» [2, 340]. Получается, что избирая иную точку (пространства? зрения?), человек находит и новую временную перспективу «лестницу времен» [2, 105].

Но все меняется, если путешественник пытается подойти поближе, полюбопытствовать, как это случилось с автором в Кинешме: «Завидев издали такие-то вот две церковки на окраине города, за садами и в садах, я не утерпел и, так как пароход грузился у пристани два часа, решил осмотреть их. Взял возницу. Подъем. Пыль. Какие-то лавочки. Бульварчики. Бредут жители. Сонно, устало, жарко. Что-то копают, кажется, новый затон. Это по части “мануфактуры и торговли”, и я спешил далее, к старой исторической Руси» [2, 349].

Однако, при ближайшем рассмотрении, «очарованность как слетела», искомая «старая, историческая Русь» оказалась: «Казенная вещь, а я думал – храм. Просто – казенная собственность, которая, естественно, заперта и которую, естественно, не показывают, потому что для чего же ее показывать? Приходи в служебные часы, тогда увидишь. Казенный час, казенное время, казен-

ная вещь» [2, 350].

Впрочем, в другом месте, уже без раздражения, автор пишет о своеобразии провинциального уклада, его особого хронотопа: «Жизнь эта, бесполезно медлительная, почти стоячая, везде сходная, в каждом доме, во всяком дворе, есть уже достойные литературы, поэзии, бытовой живописи. Здесь каждый мазок, положим, живописца изображает и момент и вечность, ибо относится равно и к концу и к началу XIX века, да даже, пожалуй, и к XIX и к XVII веку. Я сказал, что это “стоячая жизнь”, и мне грустно, что тут есть упрек, которого в душе у меня нет: “стоячее” – я говорю не в ином смысле, как назвал бы “стоячим”, не изменяющимся, и наше лицо. И оно изменяется так медленно, как будто вовсе не изменяется. Но в этой своей неподвижности оно, конечно, живет. Так и был в XIX веке уже чуть-чуть не то, что в XVII, но именно чуть-чуть» [2, 347].

Плащаница, помещенная в сыром подвале, равнодушные и «кинешемское небрежение» в то же время напоминают автору «западное остро-словие» Ренана, его попытки снизить разговор о евангельских сюжетах. Однако, какой контраст с предупредительностью, встреченной в итальянском путешествии за несколько лет до того! Так, не только в Риме встречали туристов с готовностью, но и в провинциальном Салерно старый ключарь не только показал собор, но и предложил спуститься в подвал [2, 210].

Правда, среди итальянских впечатлений есть и такое. В Венеции Мост вздохов «стал только нарядной куколкой, которую рассматривает скучающий турист. Неужели подобное и с нами будет?» [2, 228]. Вопрос остается без ответа, но сегодня, поразмыслив, можно назвать «подобное», – Арбат и Суздаль как примеры «нарядных куколок», предназначенных исключительно для взглядов скучающих туристов, которые давно не обманываются воздвигнутой для них декорацией.

Между тем, в отличие от коренных обитателей волжских берегов, не готовых к нашествию туристов, тот же Розанов отмечает в России места, где народ приспособился к потоку путешественников. Это – у некогда «тихих обитателей». Но эта приспособляемость корыстна (как, впрочем, и в Италии, где Розанов ворчал, что путешественников обдирают как липку). Отличие в том, что по дороге в Саров, например, в погоне за выгодой местные жители поднимают цены, в отличие от итальянцев, ничего не сделав для повышения ком-

форта проезжающих [2, 239].

Собственно, то же отмечает автор и в описании парохода, оговаривая, что все волжские кампании перешли на пароходы «американской системы», более комфортабельные и безопасные. Но в мелочах нет заботы о путешественниках, при огромной, «миллионной» стоимости оборудования, нет «даже кратких путеводителей по Волге – ничего! Нет описания хотя бы какого-нибудь приволжского города!» [2, 343], – восклицает автор, озвучивая, вероятно, мысли многих русских туристов, которых в ту пору еще не ждали у причалов каждого города стайки экскурсоводов.

Автор объяснил это недоразумением: «В составлении читальни выразилось глубокое неуважение пароходных компаний к своим пассажирам, которое на самом деле свидетельствует только о глубоком невежестве самих этих компаний. И между тем нельзя поверить, чтобы в составе “правлений” их не было людей очень образованных и умных. Просто “не пришло в голову”, “не догадались” вот эту молодую недогадку 17-летнего юноши или только что кончившей курс гимназистки» [2, 343, 344].

Почти две страницы посвятил Розанов напрямую крючку, который никак не удавалось закрыть: «Ушиб руку, ссадил палец и должен был вызвать звонком слугу, который наконец и справился: наложил крючок на петлю» [2, 344]. Мелочь, которая могла привести к трагедии (на одном из предыдущих рейсов теплохода был убит пассажир). – «Но, добрый читатель, ведь это целая метафизика народного характера! ... Где же метафизика этого? Одна молодость нации? По крайней мере не одна она: еще пассивность народная, эта ужасная русская пассивность, по которой мы оживляемся только тогда, если приходится хоронить кого-нибудь» [2, 345, 346]. Прошло более ста лет, но обстоятельства российской жизни убеждают: при всей мимолетности впечатлений, ассоциаций, размышлений именно В.В. Розанов оказался точнее многих. В этот век вместилось многое, но коренные основания русского характера, с его нежеланием думать о путниках, остались прежними.

Розанов спорил, возражал тому, что «принято»: «Обыкновенно желающие отдохнуть на Волге отправляются из Петербурга до Нижнего и уже здесь садятся на пароход, чтобы видеть “наиболее красивые берега Волги”. Это большая ошибка» [2, 337].

За спорами и возражениями встает портрет «всякого» туриста: «Но для каждого, кто доезжал до Урала, бывал на Кавказе, в Финляндии и тем более кто видал Тироль и Альпы, “гористый” берег Волги является приблизительно “ничем”. А так как “отдых на Волге” предполагает некоторые средства у отдыхающего, то большинство их видал настоящие горы запада и юга и, сядя на пароход в Нижнем, имеют какое угодно удовольствие, но только не от “гористого” берега Волги. Напротив, если бы они сели на пароход в Рыбинске, как это сделал я, они испытали бы чрезвычайно много нового, свежего и поучительного, хотя бы и были заправскими туристами» [2, 337].

Вот он – «каждый», «заправский турист»: его цель – отдых, то есть получение «какого угодно удовольствия», разнообразных впечатлений. У него есть «некоторые средства», которые уже позволили ему повидать Урал, Кавказ, Финляндию, Альпы и Тироль, Рим и Страсбург, тем не менее, он отправляется на волжский пароход. Он готов преодолеть на пути к отдыху некоторые неудобства, «прежде всего железнодорожный путь, с летнею жарою и пылью, теснотой вагонов и вынужденною неподвижностью является сильным приемом нового утомления на усталые нервы» [2, 337]. Он готов терпеть непродуманность деталей, лишь бы погрузиться «в особый новый мир, который сразу отшибает у вас память Петербурга, Москвы и даже вообще всего “не волжского”. Удивительное ощущение, почти главное условие действительного отдыха, доставляемого Волгою!» [2, 338].

Еще одна особенность круизного отдыха: «Людей на пароходе, сравнительно с городскою улицею, конечно, слишком мало. И это тоже очень хорошо, и даже слишком хорошо. Все молча становятся “знакомыми”, запримечая друг друга некоторым ласковым примечанием» [2, 340].

Едут (как и Розанов), главным образом, семьями. – «“Фу, пропасть! Устал!” – этого вы не говорите на пароходе, видя, как вчера и сегодня усаживается за свой “чаек” та же чета, или семья, или одиночки. Манеры каждого помнятся, и обрывается, повторяю, молчаливое ласковое знакомство всех со всеми, не утомляющее, не раздражающее и развлекающее» [2, 340]. Свое, привычное, регулярно и несуетливо повторяющееся, окружает человека, меняется именно контекст, подобно калейдоскопу, проходят мимо виды по берегам, города, селения, ландшафты.

Розановы тоже путешествовали всей семьей, младшей из шестерых детей, Надежде, было шесть лет, и поэтому можно только удивиться, как В.В. Розанов находил время для того, чтобы фиксировать свои размышления, чувства на бумаге. С другой стороны, это было его привычной средой, окружавшей его и дома, он как черепаха, будто взял с собой в дорогу свой дом, потому что его домом и были любимые им люди. И при этом ощущении стабильности постоянная смена вида за бортом, новизна впечатлений, за которыми, собственно, и ехали.

Ездили – «все». Но В.В. Розанов к «обыденному» регистру добавил еще два своих, обострив впечатления, записав их и отправив в «Русское слово».

УДК 882.09

Библиографический список

1. Гиппиус З.Н. Задумчивый странник. О Розанове [Электронный ресурс]. – URL: <http://users.kaluga.ru/kosmogama/titul.html>
2. Розанов В.В. Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков 1899 – 1913 гг. / сост., коммент. и ред. В.Г. Сукача. М.: Танаис, 1994.
3. Романова К.С. Дискурс травелога как форма освоения мира [Электронный ресурс] // Дискурс травелога : сб. статей / Авт.-сост.: О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. Екатеринбург : ИМС – Издательский дом «Дискурс-Пи», 2008. – URL: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=112&limitstart=14 Дата обращения 02. 05. 2011.
4. Сукач В.Г. «Моя душа сплетена из грязи, нежности и грусти» [Электронный ресурс] // Наше наследие. 2006. № 78. – URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7806.php>. (Дата обращения: 02.04.2011).
5. Туристы на Волге // Поволжский вестник (Кострома). 1907, 8 июля. № 373.

Л.Е. Артамошкина

Санкт-Петербургский государственный университет
le.artspb@gmail.com

ТОПОЛОГИЯ ПУТИ: БИОГРАФИЯ И ТЕКСТ

Аннотация. Единство биографии и текста выражается в единстве их топологии, поверяемой предельностью опыта мысли и жизни.

Ключевые слова: топос, биография, текст, предельный опыт, бытие.

Единство текста и биографии воплощено (буквально: стало плотью) в поэтике Розанова, где «что» и «как» органичны в своем единстве. Этой-то органичностью он и не попадает в житнетворческие тенденции/амбиции своей эпохи. И если подбирать интерпретирующие стиль Розанова стратегии в их родственности опять же стилистической, то не случайной оказывается общность с Хайдеггером. Есть и общая для них «маята» как исток мысли-размышления, мысли-чувства. Это чувство «остывания» мира: развитие цивилизации изгоняет возможность и способность близости человека и человека, человека и вещи. В стилистике их слито «что» и «как», поэтому в характере языка, в работе с языком – их тема и разрешение ее. Они оба филологичны. Понимание слитности-связанности мысли, чувства, места и пространства – определяющее. Место у Хайдеггера в его существе определяется по «путеводной нити высвобождающего простора» [3, 314]. Простор

как событие есть «вмещение». Место и является событием близости, «близости того, что есть». Близость невозможна без «есть», а «есть» – это «место», «есть» осуществляется благодаря месту. Место одновременно и «событие» близости, и пространство для вещи, так как близость мы обнаруживаем через вещь: «близко к нам то, что мы обычно называем вещами» [3, 317]. Невозможность близости (и неизбежность человеческой тоски) обнаруживается в уничтожении вещи, мира как единства, мира как Дома. Путь обретения – встреча «четверицы» в событии вещи. «Чтобы отыскать существо близости, мы задумались о чаше, такой близкой. Мы искали существо близости и нашли существо чаши как вещи. Но в этой находке мы замечаем вместе и существо близости. Вещь веществу. Веществу, она дает пребывать земле и небу, божествам и смертным; давая им пребывать, вещь приводит этих четверых в их даях к взаимной близости. Это приведение к близости